— Хэ Линьнань, твоя очередь отвечать. Что за таблетки ты принимаешь? — спросил Цинь Мянь.

Хэ Линьнань выдохнул и, решив отшутиться, сказал чистую правду:

— От психических расстройств.

Сказав это, он решил в одностороннем порядке прекратить разговор, развернулся и вышел из спальни Цинь Мяня. Он направился прямо к выходу из виллы, встал под уличным фонарем и, в компании пары безмозглых мотыльков, бьющихся о стекло, закурил.

Ночной ветер донес особенно густой цветочный аромат. Хэ Линьнань посмотрел на клумбу, оставленную домовладельцем: многие из этих цветов росли и на родине, но здесь, в Синьти, они выглядели куда мощнее, а соцветия были крупнее.

Разум, размякший от никотина, внезапно пронзила мысль о Цинь Мяне. Тот говорил о своем недуге так спокойно, что Хэ Линьнань не решился выказывать излишнее удивление, хотя на самом деле был потрясен настолько, что, казалось, вот-вот отрастит крылья и полетит биться головой о фонарь, как те мотыльки.

Он представил: а что, если бы такой диагноз поставили ему самому?

Это было бы катастрофой.

Все равно что есть пресную еду, курить подделку, набитую сухими листьями, или, купив билет в зоопарк, обнаружить там одних лишь кур, уток, гусей и собак.

Нет, постой. Почему Цинь Мянь смог сказать об этом так буднично?

Может, он просто его разыгрывал?

Сигарета докурилась до фильтра. Хэ Линьнань раздавил окурок, ощущая, как тепло на подушечках пальцев постепенно угасает, и бросил его в урну. Подняв взгляд на фонарь, он вдруг вспомнил, что из спальни Цинь Мяня этот свет отлично виден, и, повинуясь какому-то наитию, оглянулся.

Он чуть не лишился чувств: Цинь Мянь стоял за панорамным окном и безмолвно наблюдал за ним. Увидев, что Хэ Линьнань обернулся, он одними губами произнес:

— Учитель Хэ, доброй ночи.

Вторую прививку сделали второпях: то ли врач торопился, то ли рука у него была тяжелой, но с самого утра рука Хэ Линьнаня всё еще ныла. Пока лекарство от простуды не закончилось, а сама простуда прошла раньше срока, он испытывал странное сожаление, что таблетки остались нетронутыми. Исходя из этой логики, последние дни Хэ Линьнань специально играл с тем самым котом, подсознательно надеясь, что, пока действует защита от прививки, стоит

получить еще одну царапину, иначе — обидно.

Угорь и Краб, эти двое братьев, погибли.

Прямо в том самом переулке, где когда-то получил от Краба Хэ Линьнань. Об этом он узнал, болтая с ребятами из клуба. Тогда Хэ Линьнань тут же занял компьютер, чтобы прочесть местные новости. Кадры были жестокими, их даже не стали замазывать: лицо Краба превратилось в кровавое месиво, а глазные яблоки, казалось, вытекли.

А он ведь надеялся, что Угорь поможет ему найти кое-кого.

Хэ Линьнань уставился на фото в новостях, с хрустом разминая костяшки пальцев. На душе было тревожно и беспокойно, словно сотни мух кружились вокруг головы.

— Что это? — Цинь Мянь невесть когда оказался у него за спиной.

Хэ Линьнань только открыл рот, чтобы ответить, как подошла Кэла. Взглянув на экран с пугающими подробностями новостей, она наклонила голову и сказала Цинь Мяню:

— Ты забыл? В том переулке этот тип хотел отобрать твои часы.

Не услышав ответа от Цинь Мяня, Хэ Линьнань обернулся. Угорь специально извинялся перед ним за те неприятности, что доставил Краб; он не знал, как именно Цинь Мянь когда-то запугал этих хулиганов. Хэ Линьнань подумал и проглотил вертевшиеся на языке слова. Раз уж он не хотел быть обязанным Цинь Мяню, то и спрашивать об этом самому не стоило.

Шесть часов вечера. Тренировочный центр TAS в Синьти.

Хэ Линьнань простоял в очереди полтора часа, но перед самым носом очередь внезапно распустили. Оказалось, футболки закончились. Что делать? Пришлось, набравшись храбрости, идти к Цинь Мяню.

Хэ Линьнань вздохнул и вместе со своим ожесточенным настроем вошел в коридор, ведущий к комнатам отдыха. Он хотел позвонить Кэле и узнать, где они находятся, но, стоило достать телефон, как мимо него пронеслась Кэла. Он окликнул ее, она оглянулась, но побежала дальше. Охранник, увидев, что Кэла знает его, препятствовать не стал, и он беспрепятственно добежал до конца коридора.

Дверь в комнату была открыта, навстречу ему вышла толпа журналистов. Сотрудник как раз склонился над запястьем Цинь Мяня, поправляя часы. Хэ Линьнань узнал их — это были те самые, которые едва не забрал Краб. Цинь Мянь был амбассадором этого бренда, и на публичных мероприятиях, где того требовали спонсоры, он был обязан носить их.

Кэла первой протиснулась к Цинь Мяню и, тяжело дыша, выпалила:

— Брат Мянь, футболку достать не удалось! Я знала, что Леонид нас не жалует, поэтому специально просила сотрудника с бейджем, но и это не помогло.

Хэ Линьнань: «…»

Кажется, спрашивать уже не было нужды.

— Брат Мянь, а зачем тебе вообще футболка Леонида? — спросила Кэла.

Цинь Мянь посмотрел на вошедшего Хэ Линьнаня. Тот поспешно отмахнулся:

— Ничего, спасибо.

Сказав это, он собрался уходить, но, развернувшись, увидел юношу в розовом спортивном костюме, который приклеился к дверному косяку. Тот поднял подбородок, прищурился и уставился на Цинь Мяня, сидевшего на диване:

— Ой, а не тот ли это протеже, который в первом же бою чуть не вылетел с чемпионата?

Кэла тут же вскочила и подошла к нему вплотную:

— А как там здоровье вашего чемпиона в полусреднем весе? Спину снова не прихватило? Будьте осторожнее.

Голос Кэлы звучал язвительно. Юноша нахмурился:

— Ты о чем?

— О том, что он боится принимать вызов брата Мяня, — фыркнула Кэла. — Какую отговорку придумаете в следующий раз? Снова не уложитесь в вес? Или он уже слишком стар? Или с головой что-то случилось?

— Сука! — юноша рванулся вперед, на лбу вздулись вены, он был готов наброситься на Кэлу.

Кэла не отступила ни на шаг, выпятив грудь и глядя прямо в глаза противнику.

— Кэла! — одернул ее Цинь Мянь.

Юноша оскалился, бросил косой взгляд на Цинь Мяня и криво усмехнулся:

— Устроил шоу с самоубийством под прицелом камер, а теперь строит из себя жертву. Все ведь знают, как оно было на самом деле.

Хэ Линьнань резко застыл. Кровь застыла в жилах, пальцы мгновенно онемели. Он повернулся

к юноше:

— Что ты сказал?

Юноша посмотрел на него и повысил голос:

— Я сказал, что самоубийство Цинь Мяня — это постановка! Спектакль!

Юноша перед ним сверкал глазами. Хэ Линьнань стоял, словно его внезапно затянуло в морской водоворот, он не мог сопротивляться и был выброшен обратно, в ту самую войлочную юрту.

Цицигэ, ребенок с врожденными нарушениями интеллекта, в тех краях, где она росла, не заслуживала даже гроба. Сяо Маньцзы тайком купил гроб, но спрятать такую большую вещь было невозможно, и, когда сельчане обнаружили его, они ночью разбили его в щепки. В конце концов, Сяо Маньцзы пришлось пойти на уступки и отвезти Цицигэ в ближайший шаманский храм, чтобы кремировать ее и собрать прах в кувшин.

Он был рядом с Сяо Маньцзы, и тот не проронил ни слезинки. Хэ Линьнань тоже не плакал — он не имел права. Он был тем, кто погубил Цицигэ, он не достоин был слез.

Состояние Сяо Маньцзы было лучше, чем он ожидал: тот суетился по поводу похорон, разливал чай тем самым жителям деревни, которые разбили гроб Цицигэ. У местных был обычай: на похоронах ни в коем случае нельзя вступать в конфликты, чтобы не потревожить покой усопшего. Позже Хэ Линьнань понял: спокойствие Сяо Маньцзы было не принятием горя, а оцепенением души, которую растоптали в пыль.

Ближе к ночи Сяо Маньцзы достал губную гармошку, на которой давно не играл, и начал наигрывать мелодию. Когда человек умирает, принято звать музыкантов, но у Сяо Маньцзы не было денег, чтобы нанять оркестр.

Цицигэ больше всего любила, когда брат играл именно эту песню. В те времена она еще не была так популярна, и не каждый встречный мог напеть: Ветер, гуляющий по диким полям, притормози, пожалуйста.

Звуки губной гармошки рвались и искажались воющим степным ветром, превращаясь в прерывистое эхо. Снег прекратился, ночь была такой тихой, что остался только гул ветра.

Сяо Маньцзы закончил приготовления и вернулся в юрту. Плохое предчувствие заставило Хэ Линьнаня, не спавшего трое суток, вскочить с постели вскоре после того, как он наконец провалился в сон. Он прибежал в юрту к Сяо Маньцзы, легкие будто разрывало, в глазах темнело, и увидел, как Сяо Маньцзы приставил к горлу нож и уже начал резать.

Руки Хэ Линьнаня были в крови Сяо Маньцзы. С того дня у него началась фобия вида крови.

Этот нож был кухонным: в Вайгу овощи и фрукты стоили дорого, дешевле было только мясо. Его обычно не резали заранее, а отрезали по кусочку во время еды и отправляли в рот.

Он вырвал нож из рук Сяо Маньцзы. Запах крови был невыносим, глаза щипало, желудок предательски сжимался. Хэ Линьнань знал причину: когда он радостно привел лошадь, Сяо Маньцзы сразу понял, что она не объезжена. Но Цицигэ была так рада белому коню, что Сяо Маньцзы лишь попросил ее быть осторожнее. Тот нож выражал его самобичевание: он ведь видел, что конь дикий, но все равно позволил Цицигэ ехать одной.

Кадры того, как нож вырывают из рук, вошли в финал документального фильма. Это сняла скрытая камера, которую наставник спрятал в юрте. Камера не светилась и была очень незаметной — наставнику было плевать на чью-то частную жизнь, лишь бы снять ценный материал. Для него люди без документов, живущие в трущобах, были не людьми, а просто материалом, который можно было порезать на куски.

Документальный фильм «Ясность» получил награду и стал широко известен. Вскоре после этого Цинь Мянь попал в TAS, и тамошний ведущий матчмейкер Стивен Ли, используя эту популярность, предложил новичку Цинь Мяню без единого боя в TAS контракт на главный поединок номерного турнира. Противником Цинь Мяня должен был стать чемпион в полутяжелом весе Цзи То, но за неделю до турнира он снялся с боя из-за внезапной травмы спины.

— Я сказал, самоубийство Цинь Мяня — это постановка! Спектакль! Спектакль!

Хэ Линьнань не понимал, кричит ли этот человек до сих пор или это в его собственной голове заело пластинку, проигрывающую одно и то же.

Хэ Линьнань сжал зубы и бросился на него. Не важно что — сейчас он просто хотел уничтожить этого человека! Пальцы, сжатые в кулаки, потеряли чувствительность. Он сверлил взглядом это лицо и нанес удар —

Мимо.

Ноги оторвались от земли. Хэ Линьнань запоздало осознал, что его талию обхватили чьи-то руки. Тело развернулось, мир перевернулся, и он плашмя рухнул на диван. Не успев разглядеть, кто его остановил, он инстинктивно попытался контратаковать, но на него набросили что-то темное — чья-то куртка. Раздался звук застегивающейся молнии, и, опомнившись, он понял, что его спеленали, словно гусеницу в коконе.

http://bllate.org/book/34412/4242633